

ПОЭЗИЯ

Талина
Булатова

91

Небушко

Уже ноябрьски строга
Дорога между городами.
Гуляют по полю стога,
Припорошённые снегами.

Под взором туч отяжелев,
Бьёт в лобовые стёкла ветер,
Но кружевами ришелье
Встают берёзы на просвете.

О расставание, замри!
О время, выпростай объятья!
Два сердца у моей земли:
Одно – Казань, одно – Тольятти.

Мой неотъемлемый вокзал,
Чьи ожиданья несказанны...
Тысячелетняя Казань,
Ты знала дух прабабки Анны!

На старой карточке – она
И прадед Голышев Василий.
Ах, жаль – другие имена
В том прошлом улицы носили.

И Рыбнорядской нет уже,
Где шли под ручку чинно двое,
И не разгуливать душе
Адмиралтейской слободой.

Лишь неизменный небосвод
Всё приближает перспективы –

Родилась в Горьком в семье врачей. Жила в Тольятти. Окончила Куйбышевский институт культуры. В настоящее время живёт и работает в Казани, с которой её связывают давние отношения – здесь обитали прабабушка и прадед по материнской линии (прадед был военным). Печаталась в журналах «Библиотека», «Студенческий меридиан», «Казань», московской газете «Татарский мир», интернет-изданиях. Автор книги «Философия розы» (Казань, 2012). Составитель и редактор нескольких коллективных и персональных поэтических сборников. Автор более десятка эссе, посвящённых культурным событиям Казани

И фото «Хлебниковъ» живёт
И «сохраняет негативы».

Каким-то чудом из былин
Жизнь возвращается по кругу.
И самый нежный исполин
Во тьме мою целует руку,

Рассеяв снов тревожный ряд
При неумолчном крике чаек... –
Там белокрылый Автоград
Души в мятежнице не чаёт...

Родные, как пройти пути –
Мучительные, родовые,
Где дробью перелётных птиц
Пронзает небушко навывлет?

* * *

Хрупко синица тинькнет
На волоске от дня.
Если рассвет утихнет,
Ты разбуди меня.
Лето свернулось в кокон
На годовой ночлег.
Синим квадратам окон
Снится из детства снег.

* * *

Не напоказ – в себе свой храм ношу,
Но звон колоколов пронижет время.
Когда-нибудь счастливо напишу
Я лучшее своё стихотворенье.

Но сколько нам отмеряно годов
До бронзовой, ручной работы, точки?
Аукцион. Ваш лот уйти готов –
И зазвучат бесстрастно молоточки.

Горлица

Прибиралась в горнице,
Тихо щебеча,
Но таила горлица
В горлышке печаль.

Думушка былинная,
А работа – быль:
Сдула бы пылиночки –
Вытираю пыль.

Что по доскам босая –
Рана не страшна,
А саднит занозою
Горлинки душа.

Трепетная веточка,
Хрупкий стебелёк,
Если б только весточку
Ты подал, сынок.

Дедушка мой Булатов

*Моему дедушке
Петру Степановичу Булатову*

Память ценнее клада, если добро в судьбе...
Дедушка мой Булатов, вспомнилось о тебе.
Вглядываюсь в начало: кто-то скромней едва ль –
Долго в шкафу молчала страшной войны медаль.

Это и мой осколок – жизнью неизлечим.
...Сельский директор школы слову детей учил!
Светлой души, нестрогий – с лёгкостью я пойму
Тех, кто с других уроков тайно сбегал к нему.

Письма писал – от Бога, всяк ему бил челом:
Было не так уж много грамотных на село.
Добрая слава греет щедрого на Руси:
Что отдавал на время, то забывал спросить.

Ну же, баян, играй-ка вальсы амурских волн!
Старая балалайка, вспомни байкальский чёлн!
Дедушка мой Булатов, в камне – овал простой...
Правнук уже в солдатах, правнучка – под фатой...

Папе

С дрожью входило, стирая черты
Время у тела в больничной постели.
До голубого безмолвья светлели
Папины синие прежде глаза.

Кто-то чужой на разрыве дышал,
Хищно змеились лиловые трубки.
В окна листом (или сизой голубкой?)
Папина билась душа: «Отпусти...»

И, неизбежному дверь отворя,
Утру молилась Святая Татьяна.
Падал вчерашний листок покаянно
На ослепительно-траурный снег.

Есенинское

Со скрипом ломались перья,
Не в силах строке помочь.
Бунтуяще хлопнул дверью
Ушедший в сырую ночь.

И свет золоточервонный
Ссыпала с него листва,
И тень человека в чёрном
Манила его из рва.

Босая, в излёте танца –
За суженым по струне.
Но хватит ли слёз остаться
В безумной его стране?

И пить на краю траншеи
С дождями на брудершафт?
Всё туже сжимает шею
Предательский алый шарф.

Легонько заря коснётся
Невольного палача, –
Любимое насмерть солнце
Зайдёт с твоего плеча.

Дорога в Казань

Дорога тянется туда,
Где хлыст могучих камских вод
У берегов своих пасёт
Холмов зелёные стада;
Где за рекою косогор –
Приволье ёлок и берёз,
И завораживает взор
Тясячелистник в полный рост;
Где в казане меж гор кипят
Закаты с привкусом надежд,
И невозможный взят рубеж
До неизбежного тебя;
И где, предвосхищая вздох
Восторга с грустью пополам,
Гуляют месяц со звездой
По бирюзовым куполам.

Танцевали румбу ракушки

В доме неуклюжем, старинном,
Умиротворённо-радушном,
В розовой волне стеарина
Танцевали румбу ракушки.

Оживали тёплые страны,
И казалась роскошью ветошь –
Так сиял свечи шестигранник
Изнутри божественным светом.

В тёмно-синем кресле напротив,
Волосы взъерошив рукою,
Самый замечательный профиль
Думал над бессмертной строкою.

Всякую условность отринув,
Плыли по стене рая кущи.
В розовой волне стеарина
Танцевали румбу ракушки.

Слово, соловушка, соловей

Слово, соловушко, соловей,
тёплое гнёздышко в сердце свей,
звонкое серебро оброни,
чёрного ворона прогони.

Чёрная птица речёным днём,
страшно крича, залетела в дом.
И, превращая уют в бедлам,
эхо металось по всем углам.

Слово, соловушко, истый свет,
русой весны молодой поэт,
выменяй ноченьку до утра
на серебро своего пера,

на колокольчики чутких нот,
где покаянье берёт отсчёт...
Слово, соловушко, малый птах,
что же ты медлишь в моих устах?

* * *

Бог помощь! Небо роняет капли,
Его терпенья полны края.
В солёном небе плывёт кораблик,
Ладья-ладейка плывёт моя.

Плывёт ладейка, а парус – лира
Ничьей войны и всея любви.
Живи упруго, не рвись, ветрило,
И путевую благослови.

Когда закончится это небо,
И горизонты сомкнут края,
В другую бездну другой планеты
Ладья-ладейка уйдёт моя.

Журавлик

Прощаться и помнить
июльские полдни,
фонтаны и парки – вода не разлей.
Медали плясали
на кончике сабли,
их абрис в ночи рисовал Дю-Солей.

В дыханье, в касанье,
из центра Казани
мы в путь выходили, чтоб мир обойти.
Упругой походкой
мы брали высоты,
а граффити улиц ловил объектив.

И свет бирюзовый,
и день предгрозовый,
идуший по роще, как мы, налегке...
И пели литавры,
и барсы летали,
и всё отражалось в Казанке-реке.

О, если бы только
прерывисто, тонко
бумажное время озвучила медь...
Над городом ранним
нелепый журавлик
пытался вослед за тобой улететь.

Бабье лето

Шмеля запрягай, пока у погоды льгота,
Махнём к сентябрю в лесок.
Для нашей телеги пятое время года –
Не пятое колесо.

Пропишет тебе движение мегаполис
С компьютера на диван.
Здесь доктор иной: ничто не сравнится с пользой
Целебных осенних ванн!

Ещё не утихли звуки лесных оваций,
Рябиновый пир – горой.
И хочется плакать раньше, чем любоваться
Последних цветов игрой.

И музыкой дышит даль, рассыпая флейты,
Опятами дышит близь.
О пятое время года, о бабье лето,
Ещё на чуток продлись!

Вылилось фонтановое лето

По кленово-огненному следу
Путь в невозвратимое готов.
Вылилось фонтановое лето
В бронзовые чашечки цветов.

Туфли отошли, не в моде платья...
Задрожат напрасные уста –
Ровно разжимаются объятия,
Будто отпускает высота.

И не пошатнётся мирозданье,
И ничто свой не нарушит ход.
Башенку над пасмурной Казанью
Покидает птица-вертолёт.

* * *

Мне снилось: над степью и Волгой
Горящий летел самолёт*,
И падал дымящий осколок
Туда, где купался народ.
Глаза у забывшего шалость
Сынишки тревогой полны,
И девочка с криком бежала
Ко мне от бурлящей волны.
Последние вспыхнули кадры
Пожара над степью – и мгла...
Я сон позабыла назавтра.
Беда не забыла – пришла.

Садится остывшее солнце,
Чернеющий день моросит,
И мне, может быть, остаётся
У неба прощенья просить –
За сон, что беду напророчил,
За грубо оборванный путь.
Знобит, и наброшен платочек
Концами крест-накрест на грудь.
Преследует запах полынный
И девочкин профиль в дыму.
И мальчик, похожий на сына,
Растерянно смотрит во тьму.

* 17 ноября 2013 года при посадке в Казанском аэропорту «Боинга-737» погибло 50 человек. Среди них было двое детей.

Дирижёр

*Андресу Мустонену,
Кристоферу Мулдсу*

В шестом ряду второе место –
Счастливый вытянув билет,
Обожествляю спинку кресла,
Каких на свете больше нет.

Он вышел в чёрном. И взмывала
Смычковых стая голубей.
О дирижёр, ты сердце зала
Навылет музыкой пробей!

Толкай, раскачивай качели,
До неба головокружи
На той струне виолончели,
Которую не заглушить.

Когда рояль играет жизнью,
А скрипку обнимает альт,
В одном движенье тонкой кисти –
Такая боль, такая даль,

Такие колоколят бездны
На люциферовой трубе,
Что отречься бесполезно
От безрассудного в тебе.

И ты, в неудержимой страсти,
Все дни и ночи напролёт
Отдашь за чуткое запястье,
За тонкой палочки полёт.

Ивану Данилову*

Да, мы любимся дерзкими,
которые здесь и сейчас,
которые с возраста детского
тянут на силача.
Отмеченные медалями
и звёздами всех мастей,
которые зажигали мы
от искры на бересте.

* Иван Данилов (1941–2010) – из плеяды
ярчайших казанских поэтов-шестидесятников.

Но будет что на поверку,
когда отгорит, отойдёт
прекрасными фейерверками
украшенный небосвод?
Какою горькою пылью
осядут их имена
на творческом изобилье
во всякие времена?

Хоть я не из той породы –
мне ближе терпенья труд,
я знаю, славные годы
сами меня найдут.
Между любовью и болью,
где-то на склоне лет,
звёзды крупною солью
лягут на мой хлеб.

100

Снег бегущей строкой

... Снег, пожизненный снег...
... ..Он присыпан землёй,
... .. словно папин последний приют
...в январе XXI века.
... Век – хромой.
...Опираясь на палочку, он
... моей мамы считает шаги
...по безумно уставшему снегу.
... Снег на всём.
...Неизбежен и неумолим:
...на ссутуленных крышах домов,
...на тетрадях скамеек в полоску.
... Вот и всё...
...Мне наверно уже не успеть
... за бегущую белой строкой –
...слишком скользко...

